

МЫ ПЕРЕЖИЛИ ТУ ВОЙНУ

Я уроженка д.Жигалки Валентина Федоровна Подоляко.

Приближается дата 70-летия освобождения Брянщины от немецких захватчиков. Вот поэтому на страницах вашей газеты хочу рассказать землякам, как мы жили в те страшные годы.

Мне в то время было 13 лет. О том, что началась война, мы узнали сразу. В Жигалках в каждом доме было сетевое радио, а в центре деревни стоял столб с большим рупором. За 2-3 дня все мужики в деревне, подлежащие воинскому призыву, ушли на фронт. К нам приехали конармейцы, которые выбрали из колхозной конюшни самых лучших рысаков для воинской части. А в конце июня эвакуировали весь колхозный крупнорогатый скот. Но догнали стадо только до Орловщины, где их перехватили немцы. Люди вернулись домой, а стадо осталось там.

В это время наши войска отступали. Солдаты шли по ночам, а днем находились в укрытии. Иногда, по вечерам, заходили в дома с просьбой обменять свою солдатскую форму на гражданскую, или просили поест. Наши жители, конечно, помогали им. Но были и такие, которые говорили: «Мой муж воюет, а они сдаются врагу».

Через Жигалки фронт не проходил, а вот через п. Донцов шел санитарный отряд. Он состоял из лошадиных подвод. Это были глубокие зеленого цвета повозки. Местные жители говорили, что на них перевозили раненых солдат. Они стонали, просили пить. Отряд остановился возле колодца. Медсестры раненых умывали, кормили, делали перевязки. А тех, которые умирали, на опушке леса хоронили. И мы, дети, однажды в лесу наткнулись на эти свежие холмики. Они были очень низенькие. На каждом стоял отесанный с одной стороны колышек, где был написан адрес родственников погибшего солдата. На другой день мой брат Н.Подоляко записал эти адреса. А письмо родным солдат отправил только в сентябре 1943 года. В 1945-м останки перезахоронили в братской могиле в д.Прирубки. Там на обелиске должно быть указано имя Александра Ивановича Грекова, уроженца Ворошиловградской области.

В канун прихода немцев в Жигалках царило безвластие. Сами жители разбирали все общественное: лошадей, сброу и сельскохозяйственный инвентарь. Из кладовых выбирали остатки зерна. Вынесли все из магазина. Одним словом, общественного уже ничего не осталось.

Хорошо помню тот день, когда в деревню пришли немцы. Это было 19 августа. Утром мы увидели, как со стороны Гринева, по большаку, по направлению к деревне, ехали немецкие мотоциклы. Их было не больше пяти. Фашисты были в блестящих куртках, на голове – шлемы. Сначала остановились в центре, поговорили и подались на большак к п. Буденный. А уже после обеда прибыли машины с немецкими солдатами. Они тоже остановились в центре деревни и, взломав замок, из школы стали выбрасывать книги, тетради, карты,

журналы, глобус. А мы, детвора, подбирали это, переговариваясь о том, что завтра все отнесем учительнице. Но не вышло. На следующий день из местного начальства уже никого не было. Пришел немец и продиктовал свой распорядок дня для наших жителей. Назначил старосту нашей деревни.

В с. Гринево располагалась немецкая комендатура. По всем вопросам жители должны были обращаться только туда. Там был и медицинский пост. Принимали они и русских жителей. Но наши люди туда боялись обращаться. В каждой деревне и поселках действовали группы полицаев. Это были наши ребята в возрасте 18 лет и старше. У них на левой руке, выше локтя, была белая повязка. Многие из ребят служили немцам по принуждению, некоторые – добровольно. Для нас слово «полиция» ассоциировалось с предательством и страхом. На зиму в Жигалках немцев осталось мало (уж очень они боялись морозов). У них не было теплой одежды, только суконная шинель, такая же шапка и шарф, которым они обматывали все лицо, кроме глаз. Они очень любили греть руки над раскаленными углями в загнетке русской печки. А поэтому ходили зимой по дворам по утрам и кричали: «Матка, млеко, яйко, кур!». Могли просто зайти в чей-то сарай и взять, что им надо. Даже резали без нашего разрешения поросят.

Сразу, как началась война, у нас не стало соли, мыла, керосина, да и многих необходимых вещей. Вместо мыла люди использовали щелочь из золы, а вместо керосиновой лампы горела плошка – фитилек в блюде с маслом (алеем). Иногда на базаре, в Погаре, продавали и соль. Один ее стакан стоил один пуд зерна. Одежды и обуви почти не было. Благо у всех были лапти. И только осенью 1942-го женщины заготовили волокно для прядева. Пряли, ткали полотно, из которого шили верхнюю и нижнюю одежду. Зерна тоже не было, потому что колхоз не успел убрать зерновые. Выжинали поникшие колосья. А зима 1941 года была очень суровой. В это время стали увозить нашу молодежь в Германию. Из Жигалок взяли двух девушек – Марию Никифоровну Подоляко и Анну Савельевну Хохлову. Помню, их со станции Гринево отправили на товарном поезде. А летом 1945 года они вернулись домой.

Нечеловеческие мучения наши люди перенесли зимой 1942 года. В Жигалки пришла эпидемия брюшного тифа. Многие перенесли болезнь, но были и такие, кто не выжил. Почти в каждой семье болели чесоткой. Тяжкие страдания вынесли и мы, дети, от этой коварной и трудно излечимой болезни. Все тело было покрыто струпьями, из которых сочилась кровь. А лечение было только одно: в печке томился чугунок чемерицы, и несколько раз в день мы протирали раны этим настоем. А тело горело и чесалось.

Пришла весна. Немцы раздали колхозную землю местным жителям. Работать особо было некому, но как-то обрабатывали землю, и понемногу сеяли. А в октябре 1942-го немцы открыли русские школы, где работали наши учителя. Учебники были старые советские – один на пять учеников. Их тщательно проверяли, и такие имена и слова, как Ленин, Сталин, Ворошилов, комсомол, ВКПб, из них были вычеркнуты. Тетрадей не было, писали по старым книгам между строк. Вместо чернил использовали густой сок свеклы.

За время оккупации мы, дети, часто на полях находили листовки, которые сбрасывали с наших самолетов, но их самих мы никогда не видели. Листовки

были шероховатые, серого и красного цветов. Большими буквами в них было написано: «Смерть немецким оккупантам». Потом шла сводка с фронтов. И в конце следовали слова: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Летом 43-го люди стали поговаривать, что наши войска приближаются. И перед тем, как немцы начали отступать, некоторые жители стали рыть для себя на огороде окопы.

И, действительно, где-то в начале сентября в Жигалки к вечеру прибыли конные повозки с немецкими солдатами. На нашем дворе их стояло две. Но в дом немцы не заходили. Люди же в это время прятались в укрытиях, погребах. Особенно молодежь боялась, что немцы заберут их с собой в Германию. На следующий день рано утром фашисты сложили все в свои повозки и подались на большак, откуда и пришли в сорок первом. Местные жители стали выходить из укрытий, и уже к полудню кто-то увидел, что идут наши солдаты. Видела и я, как шли они строем со стороны п. Буденный. Дошли до центра деревни и остановились у колодца с деревянной бадьей. Все они спешили напиться воды, их мучила жажда, ведь стояла ужасная жара. Повсюду были слышны радостные крики людей. Женщины обнимали солдат, плакали от счастья и что-то им говорили... А некоторые солдаты брали на руки детей. И тут старший из них сказал: «Мы вас освободили, теперь у вас в деревне снова Советская власть». И они быстро, строем подались на большак.

Через 2-3 дня после освобождения в Жигалки из Погара стали приезжать уполномоченные. Они вели разговоры об образовании колхоза. А это означало, что все расхищенное колхозное имущество нужно было вернуть. Помню, шум был большой, но почти все колхозу вернули. А также собрали и посевной фонд.

Рабочего скота в колхозе было очень мало, лишь только бычки, которых понемногу приучали к сельхозработам. Первые годы после войны люди зерна не получали. А когда его стали выдавать, то только по 100 г. на трудодень.

А мы, девочки-подростки (по 14-15 лет), нас было около двадцати, после освобождения стали работать в колхозе. Быстро осваивали любую работу: жали, молотили цепями, ловко укладывали копны, ездили на лошадях верхом. Отлично справлялись и на табачной плантации под чутким руководством табаководы Александры Ивановны Хохловой.

А вечером бежали на пятачок, где играла гармонь. Одеты были кто в чем, да лапти на ногах. И колхоз наш, несмотря на все трудности, с каждым годом набирал силу.

В.Ф. Коваленко